

Н.Н. Александров

**Основные положения
теории менталитета**

Содержание

1. Взаимоотношения менталитета и общественного сознания.....	3
2. Менталитет с позиций психологии и истории	3
3. Понимание ментальности в школе “Новой исторической науки” ..	5
4. Менталитет и идеология	9
5. Морфология менталитета и его иерархия	11
Некоторые выводы	13

1. Взаимоотношения менталитета и общественного сознания

Это уже другая тема, затрагивающая связанность таких особых “фильтров”, как культура и идеология. Менталитет вводит в данный пласт свои особые ограничители, связанные с *господствующей картиной мира*. Это сразу переводит нас на иной уровень циклов: картина мира не меняется длительное время, в то время как “картинки” общественного сознания меняются достаточно быстро.

В литературе по поводу менталитета фигурируют термины очень разных уровней*. Часть из них явно должна быть отнесена к проблематике “общественного сознания”. Но, чтобы заключить подобное, необходима хотя бы первичная определенность с самим “менталитетом”.

Попробуем осмыслить проблематику менталитета как в общем виде, так и исходя из генетической логики формирования самого понятия. Мы проделаем это иерархически, от общего ко все более частному.

Если говорить о корнях, то термин выводят от французского «*mentalite*», которому в английском языке соответствует «*mentality*», а в немецком — «*İ entalitat*». За этим скрываются три разных понятия, и мы будем говорить об этом ниже.

Менталитет в нашем **обществоведении** определяют как **духовно-психологический облик общества** или, во времени, — “*дух эпохи*”. В самом определении содержится двойственность: “духовное” есть статическое и константное, а “психологическое” — изменяемое во времени; таким образом, и здесь — два уровня. Далее “облик” (лик, лицо, обличье) — нечто, явно имеющее отношение к форме, оформленности. Таким образом, менталитет в этом определении можно воспринимать как некую оформленность, имеющую в своем содержании константную духовную составляющую и вторую, способную к временному видоизменению.

Менталитет константно “работает” на длинных циклах, где только и может качественно видоизменяться; его действие здесь непрерывно, в отличие от политического и идеологического воздействий, которые имеют дело с более мелкими циклами и приводят не столько к модификациям менталитета, сколько к его “освоению” внутри цикла. В этом своем виде он не является принадлежностью социальных групп (классов, наций и т.п.) — он принадлежит либо конкретному обществу, либо находится уровнем выше, чем общество (например, формации).

Если поставить задачу более глубокого исследования данного понятия, то следует обратиться также к **культурологической и социально-исторической проблематике**. Как пишет И.Г. Дубов, “в философской и культурологической литературе *менталитет* понимают как совокупность представлений, воззрений, чувствований общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы”. Отметим недифференцированность определения: в нем и картина мира (представления), и чувствования — и долгосрочное, и краткосрочное здесь помещены рядом.

Более детальное рассмотрение проблемы требует обращения к ряду ракурсов.

2. Менталитет с позиций психологии и истории

С точки зрения психологии (и социально-психологического знания), категория «менталитет» трактуется иногда как сугубо психологическая. В англоязычных публикациях -х “менталитет” понимается как “качество ума, характеризующее индивида или класс индивидов”, “способность или сила разума”, “установки, настроение, содержание ума”, “образ мыслей, направление или характер размышлений”, “сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических”, т.е. пред нами — характеристики специфики умственной деятельности субъекта (индивидуального и коллективного), с элементами рефлексии.

Но постепенно содержание понятия “менталитет” значительно расширяется, и сегодня оно трактуется как “*склад ума; мироощущение*” или “*мировосприятие; психология*” и включает сегодня определения явно нескольких уровней:

- **общество** — «взгляды на мир», «социальные нормы», «сверхличностное сознание», «народный дух», «традиции», «обычай»; «этнический стереотип»; «национальный характер»;

- **группы** — «социальные стереотипы»; «перцептивные и когнитивные эталоны»; «отношение к миру»; «оценка окружающей действительности»;
- **личность** — «идеалы», «социальные установки»; «стереотипы сознания»; «стереотипы поведения»; «стереотипы принятия решений»; «поведенческие альтернативы», «мотивационная сфера»; «доминирующие мотивы»; «убеждения»; «склонности»; «интересы» и т.п.

В статье И.Г. Дубова дан анализ и синтез некоторого множества определений, содержащихся в работах отечественных и зарубежных ученых. Мы не будем здесь приводить анализ его взглядов: это подробно проделано нами ранее .

Автор дает следующую характеристику менталитета, с позиций психологии:

“Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающихся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других”.

Соотнесение менталитета с общественной психологией понимается как соотношение константного с переменным: “менталитет есть наиболее фундаментальное и глубинное, а потому и наименее изменяемое в общественной психологии”. Но такое понимание менталитета не отличается особой определенностью.

Известный историк М.А. Барг определил менталитет как “совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т.е. путем *повторения*. Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневном обиходе *онтологическим* (ответ на вопрос: *что это?*) и *функциональным* (ответ на вопрос: *как и зачем это?*) объяснением, способом выражения знаний о мире и человеке в нем. *Идентичность* менталитета среди его носителей обуславливается в конечном счете общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного мира, т.е. тождественным образом их интерпретировать и *выразить в одних и тех же символах*” , .

Данное определение явно богаче предыдущего, ибо сразу отвечает на ряд самых существенных вопросов.

Здесь есть ответ на вопрос: “Что такое менталитет?”. Это — совокупность (система) символов. Она раскрывается и подробнее: это — понятия, образы и идеи. Иными словами, если это — символы, то символы, по крайней мере, трех уровней — рациональные (понятия), чувственные (образы) и переходные между ними, возможно, векторные (идеи).

Здесь сказано, как формируется менталитет: путем многократного повторения, то есть циклически, с накоплением качества.

Здесь указано *предназначение* менталитета: служить **способом выражения** знаний о мире и о человеке в нем. Но знание, выраженное и рационально, и иррационально, и чувственно, — это не совсем “знание”, это — уже более наполненный багаж.

В связи со *знанием и выражением* можно предположить и наличие встречного процесса *понимания*. Данную систему символов, выражающую наиболее широкое для данного общества “знание”, упакованное на трех уровнях, должен понимать (тождественно *интерпретировать* и тождественно *выразить*) каждый член общества (указание на это содержится во второй цитате). Если мы поставим перед современными проектировщиками культурных коммуникаций задачу создать нечто, обладающее одновременно такой фундаментальностью и такой всеобщностью, да еще способностью восприниматься всеми членами общества, они от такой задачи откажутся как от невыполнимой в принципе. Менталитет все это может.

Данная система символов служит способом выражения: а) знаний о мире (*внешнее*); б) знаний о человеке *в нем (внутреннее)*. Видимо, здесь фигурирует и общество, потому что оно стоит посередине — между миром и человеком, — образуя ту границу, которая и отделяет внешнее от внутреннего. Зафиксируем исходную *константность*, неизменность и неизменяемость, фигурирующую по отношению к менталитету.

И, наконец, все это отрефлектировано относительно известной нам совокупности осей (плоскостей): вертикальной — онтологической — и горизонтальной — временной (жизнь, деятельность).

Данный каркас мы можем далее пополнять за счет других, более локальных и расширяющих интерпретации термина “менталитет”. Наберем из разных определений отдельные свойства и будем отмечать их курсивом.

Например, характерно, что менталитет “пронизывает жизнь” людей одного времени. Но это свойство мы уже акцентировали несколько в ином виде — как **константность**. К нему можно добавить также **инвариантность** относительно людей, их положения, возраста и т.п. характеристик.

Попробуем выйти на формулировку, содержащую весь ряд разверток.

Менталитет есть многоуровневая система символов, выражающих фундаментальные общественные “знания”. Это — система символов как внешнего, так и внутреннего характера (как о мире, так и о человеке в нем), которая работает как в онтологии, так и в деятельности. Примененная для коммуникации, она работает как выразительный язык, обладающий свойством одинаково восприниматься и интерпретироваться всеми членами общества. Менталитет формируется в истории путем циклического накопления качества.

Менталитет есть система символов, обладающих константностью и инвариантностью для людей данного общества и данного времени.

Напомним, что в разных национальных школах европейских стран (английской, немецкой и французской) термин “менталитет” приобретает специфические смысловые оттенки. Если говорить об определении М.А. Барга, то оно, скорее, немецкого толка.

Подведем итоги. Во-первых, менталитет (в отличие от общественной психологии) обладает устойчивостью и константностью на значительных исторических циклах; во-вторых, он точно так же иерархически проявлен, как и общественное сознание: мы можем обнаружить “руководящую роль” системы ментальных регуляторов и в обществе в целом, и в группах, и в отдельном человеке.

Поскольку объект у нас один и тот же, то при полном тождестве его иерархичности менталитет и общественное сознание различимы как константная и переменная части единой общественной психики. Отсюда — столь характерные поиски архетипов коллективного бессознательного, существующих якобы априори. Нет, говорим мы, ментальные инварианты подвижны, подвержены сменяемости, имеют генетическую преемственность. Но только они динамичны в масштабах истории в целом (надсистемы), поэтому могут казаться незыблемыми.

Забегая вперед, скажем следующее: в XX веке скорость сменяемости ментальных инвариантов и скорость сменяемости содержания общественного сознания небывало сблизилась. И потому достаточно часто можно наблюдать следующее: а) их смешивают; б) принимают одно за другое.

3. Понимание ментальности в школе “Новой исторической науки”

Хорошо известно, что “ментальность” в качестве знамени выбрала группа французских историков -х—х годов (школа “Анналов”, или так называемая французская “Новая история”, или “Новая историческая наука”), в их числе — Люсьен Февр и Марк Блок. Научные позиции данной школы в основном утвердились в период после окончания второй мировой войны. “Новая историческая наука”, разработанная в русле методологии Школы «Анналов», сегодня самое влиятельное направление в мировой историографии.

Вводя важнейший аспект данного направления — историю **ментальностей**, основатели сочли, что это понятие — шире “коллективного бессознательного” К. Юнга, совокупности “коллективных представлений” Э. Дюркгейма - и прочих близких ракурсов. Французы подчеркивают неопределенность и даже непереводаемость своего термина “ментальность” (mentalite), относя к нему зыбкие настроения, установки, воображение и т.д. Изучение психологии людей минувших эпох производится Л. Февром и М. Блоком на основе скорее бергсоновской позиции *философии жизни*, принципиально неформализуемой. Но сказать о

результате всегда позволяют истоки: авторы школы “Анналов” синтезировали, казалось бы, взаимоисключающие начала, содержащиеся в схематизированной социологии Э. Дюркгейма и спиритуальной в основе психологии А. Бера (обладавшей к тому же сильным привкусом литературной художественности). Именно из трудов Дюркгейма в Анналы перекочевали **коллективные представления** (мифы, верования, социально-правовые нормы), но они подверглись, как пишет В.А. Шкуратов, “гуманитарной обработке историков, искавших человека”, в результате чего и стали **ментальностью**.

К менталитету и ментальности они относят: мировоззрение, коллективные представления, идеологию, наличие “общих установок к окружению и представлений о нем”, умонастроение, мыслительную установку, “видение мира” (единую “психологическую матрицу” эпохи), склад ума, воображение.

Отметим характерные моменты статики, присущей их пониманию: картинность, панорамность, зримость (видение, воззрение), организующую системность, классифицированность (матрицу, “склад”, т.е. сложенность) и характерный момент динамики — способность к формированию групповых *установок* (психические *установки*, как и *функции*, — это, скорее, статико-динамические *кентавры*). Все перечисленные понятия масштабно едины: высшие иерархические ярусы (мировоззрение), крупный временной ритм (“эпохи”), большие социальные группы.

Пока выделенные три уровня ничем не дополняются, кроме одного существенного момента: перед нами — картина мира, которая “нигде не оформлена”. Но тогда речь у нас снова идет о “метаполе”, где менталитет неформально (незримо, невидимо) содержится.

Возвращаясь к определению, добавим: менталитет есть *система символов, которая нигде не оформлена*. Кстати, корень “ментал” — *семантическое ядро термина “менталитет”* — переводится как “невидимый”.

Мы добавляем к этому: да, она, система символов, не оформлена, но многократно отображена (и в этом смысле опосредованно оформлена, например **в искусстве**). Еще одно замечание: “Генерализованные черты мировидения погружены в еще более аморфную массу эмоций, представлений и образов, которая называется ментальностью”. Это открывает нам несомненную возможность выстроить *внутреннюю иерархию менталитета*, что мы скоро и сделаем. На каком бы из уровней мы его ни искали, у нас есть две возможности: обобщение представлений эпохи априорно, сверху; реконструкция снизу.

Итак, *менталитет есть система символов, которая обладает внутренней иерархией*.

По Р. Мандру, “видение мира охватывает совокупность психических кадров — как интеллектуальных, так и этических, — посредством которых индивиды и группы каждый день строят свое мышление и действия” *цит. по* . Значит, если мы остановим психическую жизнь или деятельность людей (сделаем ее статический срез), то обнаружим, что она управляется: а) интеллектуальными “**идеями**”; б) **ценностями** долговременного действия (мораль).

Менталитет есть система символов, которая содержит идеи и ценности и управляет мышлением и действиями людей. Здесь не сказано, имеет ли она долговременный характер, но ясно, что менталитет понимается как *квантовая статическая характеристика динамических процессов*: это — “слайды”, или “кинокадры”.

По словам Ж. Дюби, **ментальность** выступает как “система образов, представлений, которые есть в разных группах или странах, составляющих общественную формацию” *цит. по* , . Здесь наконец задан точный масштаб — формация.

Ментальность, при всем том, что она принадлежит массам и истории, имеет два ранее выделенных нами измерения: человеческое и предметное (в смысле — социологическое и культурное, культурологическое), субъектное и объективированное. Первое, субъектное, — отражает взаимодействие человека и всей иерархии общественных групп (от семьи — до человечества). Второе, предметное, — содержит любые “следы” человеческой деятельности, объективированные продукты культуры. В этом разрезе ментальность как константное и инвариантное (статическое, объективированное) противостоит понятиям, связанным с подвижностью и психикой (динамическое, субъектное). Характерная двойственность позволяет выстроить ряд отличий менталитета от подобных или близких по содержанию терминов.

Во-первых, ментальность связана с деятельностью и объективируется в ее продуктах (что, кстати, позволяет нам по типологии деятельностей выстраивать далее типологию ментальных формаций). “Деятельность” есть чисто человеческое проявление — у животных наблюдается лишь “жизнедеятельность”. Человек в деятельности предстает как *биосоциальное единство*, его “био” обеспечивается психикой (присущей и животным), а его “социо” — менталитетом.

Вывод, который мы можем из этого сделать: если психика процессуальна и индивидуальна, принадлежит горизонтальной оси, то менталитет только общий, общественно-групповой, и принадлежит онтологической оси (хотя оказывает матрицирующее действие на психику). Ключевых вопросов здесь — два: как фиксируется менталитет; как этот нигде не зафиксированный менталитет управляет индивидуальной психикой?

Неоформленность менталитета не означает отсутствия в нем содержания, хотя это звучит парадоксально, ведь общеизвестно, что “содержания без формы не бывает”. Понятия, образы и представления, при помощи которых фиксируется менталитет, вряд ли можно отнести к форме, потому что они не материализованы. Далее мысль следует по известной цепочке: а где именно они актуализируются? В процессуальности. Следующий вопрос: как они материализуются в процессуальности? И мы приходим все к тому же набору герменевтических проблем, которые рассмотрели в нашей работе: язык как “дом бытия”, структура как единственное “измеряемое” отображение и т.д. Таким образом, если психика образует структуру, поддающуюся прямому изучению, то структура ментальности может быть схвачена лишь опосредованно, через язык и объективированную культуру, понимаемую как язык.

Поставим вопрос в предельно широком организмическом ключе: будет ли общество демонстрировать проявления психической жизни (общественная психика) при изъятии из него всех известных элементов менталитета? В конечном итоге это — вопрос: управляет ли обществом менталитет (как знаково-символическая система)? На вопрос об “управлении”: как невидимый менталитет управляет индивидуальной и групповой психикой, поведением людей и масс? — есть несколько вариантов ответа. С нашей точки зрения, сводить данную проблематику к культурологическому ракурсу недостаточно, ибо здесь возможны всяческие гипотезы на многих уровнях: от чисто физических (неизвестное излучение, информационная аура, энергоинформационные поля и т.д.) до психологических (например, “теория установок”, “теория вирусов”, психотехники и т.п.), социологических и культурологических (механизмы ритуалов, традиций, культуры, культуротехника и т.д.) и междисциплинарных (тектология, кибернетика и т.п.). Эту проблему, хоть немного, но освещает целая разновидность групповых психологий — от социальной психологии до психологии малых групп, но психологию в меньшей степени интересует *ракурс управляемости*.

Мы предлагаем в этом ряду довольно неожиданную системогенетическую гипотезу. Поскольку менталитет есть система знаково-символьная, то знак (например, графический, а может быть, и слово как знак) срабатывает по отношению к человеку “как ключ к замку”, как *катализатор*, запускающий, а точнее, способствующий запуску некой “реакции”. Если довести гипотезу до широкого системогенетического вида, то **можно заключить: ментальный знак (символ) обладает способностью запускать в человеке некие программы** (их — целая иерархия на множестве уровней). Пакет эволюционно накопленных (а также культурных и прочих) программ в человеке настолько велик, что мы даже не знаем, сколько там накоплено “про запас”, ведь на нас (по обобщенному закону Геккеля) “работает” вся эволюция в целом. Когда появляется знак и мы его воспринимаем, он что-то в нас *запускает* (в каждом или выборочно, по группам, или массово). Таковы, допустим, были знаки магии и т.п. (но то ли их время ушло, то ли *стерлись* они от частого употребления). Но тогда это и интересная педагогическая гипотеза: поскольку в нас избыточно много всякого рода незапущенных программ (не только из прошлого, но и из будущего, ожидающих своего часа), то стоит поискать знаково-символьные и прочие педагогические “ключи” от этих многообещающих “замков”. И речь может идти как о личных программах (неизвестные качества человека), так и об общественных (неизвестные социокультурные программы), а может быть, и о чем-либо повыше. Хотя, конечно, как

говорил Конфуций, трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

Так что искать пока предпочитают на путях, более знакомых. Один из подходов мы излагали. Восстановим логику: менталитет в “метаполе” — коммуникация, а в ней — язык, в языке — формализуемые знаки и символы, которые содержат *код симметрии* (язык симметрии = язык универсалий). Здесь, конечно, можно подставить не только симметрию, но и *любые универсалии*, которые мы сможем обнаружить, но они должны исполнить точно обозначенную *роль универсалий* во всех проявлениях менталитета. Увы, пока лишь одна симметрия (и ее проявление в золотой пропорции) одинаково подходит и для времени, и для пространства.

Но, кроме того, вопрос имеет еще и оборотную сторону: если некие “объективные средства обеспечивают то или иное субъективное явление, то может ли отсутствие или наличие объективных средств говорить об отсутствии или наличии тех или иных субъективных явлений?” . Чтобы ответить на него, нужен исторический эксперимент по изъятию из общества менталитета. Что-то в этом роде попытались на первых порах проделать с обществом большевики, но, как считал Н.А. Бердяев, и они быстро поняли, что просто вынуждены со своей идеологией *адаптироваться* к русскому менталитету, обладающему совершенно чудовищной инерционностью: “марксизм, не разрушая извечных основ русского менталитета, накладывался на созвучные себе черты русского коммунизма — общинное сознание, стремление к максимальной социальной справедливости и вселенской соборности” . Мы же видим здесь только начальную стадию процесса: дальше этот эксперимент продвинулся в сторону развития псевдоморфических тенденций в русском государстве, что выразилось в целенаправленном разрушении самих оснований российского менталитета (воинствующий атеизм, маргинализация населения, разрушение самих основ ранее существовавших форм жизни, уничтожение старых механизмов культуры, ритуалов, традиций и т.д.). Это и привело к появлению в нашем времени *абсолютного псевдоморфа* — ни западного, ни восточного, ни российского “нового русского”, отличающегося крайней жадностью, хищностью, предельной кратковременностью интересов по поводу денег и предельной же узостью хронотопа (только здесь и сейчас).

Можно выразить различие ментальности и психики через масштаб действия во времени: *ментальность действует на больших циклах, психика (сознание, деятельность) — в узком диапазоне настоящего, на малых циклах.*

Интересно отметить, что в *исторической психологии* (при обращении к артефактам культуры прошлого) всегда встает проблема способов реконструирования психического мира, и она требует чего-то вроде олицетворения, если более научно, — выделения специальных “характеристик субъективации культурных продуктов” . Восстановить по ним психический мир прошлого можно, лишь пройдя довольно сложным путем, и о нем во многом говорят наши книги ; ; ; ; .

Традиционная герменевтика Нового времени, например Шлейермахера ; , имела дело с *авторскими текстами* и во многом шла по пути реконструирования психического мира автора через текст. Обращение к гипотезе менталитета позволило приступить к изучению документов (текстов), лишенных авторства. Можно сказать, что в разряд такого *текста второго рода* попадают почти все продукты культуры прошлого, ибо в основной своей массе они напрочь лишены авторства (а иногда и отнесения во времени и пространстве). Более-менее достоверные записи начинаются в Европе с XIV века, а обзримая история выходит далеко за границу в десять тысяч лет. Такой текст без автора в ментальных исследованиях неизбежно приобрел *черты психологического субъекта*, потому что второй составляющей школы Анналов была, хоть и “спиритуальная” (но все-таки!), психология, представленная Баром . Из того, что нам известно, можно заключить, что инструментарий данной школы включал в себя: социологические и культурологические описания, аксиологические квалификации, психологическую реконструкцию личностного “текста”, субъективацию (олицетворение) безличностных продуктов культуры (или “текстов второго рода”).

Сделаем вывод: специфической особенностью менталитета является его одновременная работа (присутствие) на следующих ярусах: ментальное “метаполе” — социальная коммуникация (язык) — деятельность — объективированные продукты деятельности.

Содержание (и идеальная структура) проявляется в языке и транслируется в коммуникации, оформленность возникает в объективированных продуктах деятельности.

Покажем это на Звезде Деятельности (см. подробнее).

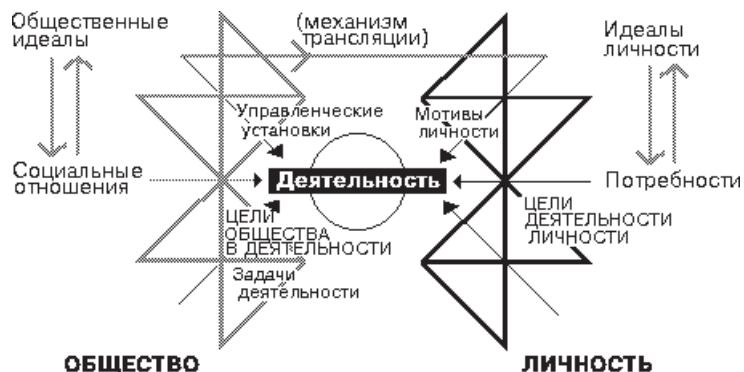

Рис. 1. Звезда Деятельности (и её структура) — механизм трансляции, а также взаимодействия общества и личности.

Искусство, которое мы привлекаем для вопроса с пристрастием, есть тот же язык. В произведениях искусства мы ищем все то же, что структуралисты — в языковых текстах. И ход тот же: в текстах искусства мы находим и читаем “менталитет”. Интересен разве что прием, который нами применен: промежуточный прием *упорядочения эстетических модусов на всех уровнях* — настоящий универсум модусов выразительности. Следовательно, с точки зрения структуралиста, достоинство в том, что в ней задаются некоторые **формализуемые аспекты** языка искусства, дополняющие остальные известные аспекты по иным уровням.

Поскольку язык — “дом бытия”, но и он непонятен без перевода, постольку и искусство тоже есть язык, а значит, тот же “дом бытия”, — оно в особом переводе вроде бы не нуждается. На самом деле это не так: “необразованный человек находится вне политики”, но он же — и вне искусства, если брать широко. При всем том, что “духовной жаждою томим”, юноша часы напролет проводит в музеях, он впитывает лишь выражение, не обладая возможностью *расшифровать многое в содержании*.

Для нас важно не столько непосредственное знание менталитета личности, общности или человечества, их масштабов и специфики. Значительно важнее возможность ретроспективно-прогностического (*прошлое* как ставшее и *будущее* как вероятностное) описания и предсказания поведения на всех трех обозначенных уровнях, управленческого влияния на компоненты менталитета.

4. Менталитет и идеология

Обратимся к работам А.Я. Гуревича -, в которых анализируется история развития индивидуальной и общественной ментальностей и приводится ряд интересных выводов.

«История ментальностей, — пишет А.Я. Гуревич, — то есть разлитых в определенной социальной среде умонастроений, неявных установок мысли и ценностных ориентаций, автоматизмов и навыков сознания, текучих и вместе с тем очень устойчивых внеличных его аспектов, противопоставляет себя традиционной истории идеологий... История ментальностей вскрывает иной, как бы «потаянный» план общественного сознания, подчас не выраженный четко и неформулируемый эксплицитно. Исследователь ментальностей имеет дело не с философскими, религиозными или политическими убеждениями или доктринами как таковыми, — его занимают не теории, а та почва, на которой произрастают, в частности, и теории. В центре его внимания — образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и преобразуется ими спонтанно, по большей части вне контроля их «дневного сознания» ...

Перемещение интереса идеологических конструкторов на мировиденье обусловлено пониманием того, что за теориями и учениями кроется иной план реальности, укорененный столь глубоко и прочно, что, когда одна идеология сменяет другую, этот потаенный слой образов и представлений может оставаться неизменным или изменяться лишь отчасти, сохраняя свои основные параметры» цит. по .

В работах представителей Школы «Анналов» содержится обоснование:

— возможностей человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему культурой и эпохой;

— разработки вопросов о том «мыслительном инструментарии», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и общества и исторически обусловлен, унаследован от предшествующего времени.

Мыслительный инструментарий, как пишет А. Я. Гуревич, «неприметно изменяется в процессе его творчества, всей исторической практики. Неприметно, ибо ментальность (способ видения мира) отнюдь не идентична **идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли**, и во многом, может быть, в главном, остается неотрефлексированной и логически не выявленной. Ментальность не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания...» цит. по .

Взаимосвязь менталитета и идеологии предстает как взаимодействие. Как пишет Б.С. Гершунский, *“ментальность, объективно не соответствующая критериально аргументированному и исторически понимаемому общественному прогрессу, не только может, но и должна быть исправлена. В этом, в конечном, залог предотвращения и гуманистически оправданного подавления искусственно созданных, противоестественных, надуманных и корыстных идеологий, которые всегда были, есть и, надо полагать, будут. Что же касается борьбы идеологий, то это, в конечном счете, борьба за достойный человека и человеческого сообщества менталитет”* там же. Это — иная, новая, тема: **“менталитет и проективность”**. Проектировщиков идеологии мы уже наблюдали, а вот проектирование менталитета — это уже кое-что посерьезнее. Но, слава Богу, этот автор не дает нам никакого рецепта, кроме смены педагогических технологий. Тем не менее тот же автор справедливо замечает: *“Серьезные общественные преобразования имеют не только спонтанную хаотическую, **иррациональную составляющую**, но и составляющую **рациональную**, зависящую от правильности стратегических замыслов общественного переустройства и принимаемых управленческих решений. Очевидно, что без опоры на знание общественной ментальности любые управленческие решения, революционные и реформаторские «исторические сдвиги» лишь случайно могут быть успешными и соответствовать замыслам их организаторов”* .

Ментальность не идентична идеологии, но ухватить их различие мало кому из авторов удастся достаточно убедительно. Идеология, как и менталитет, также формирует мировоззрение и мироощущение человека, общественных групп и общества в целом — и это ее предел. Идеология, бесспорно, управленческий механизм, способный активизировать и пассивизировать общество, в этом смысле она носит искусственный характер. Между тем менталитет приближается по своей константности и инерционности к естественным явлениям.

Идеология может соотноситься с менталитетом по признаку совпадения (резонанса), противостояния (идеология против ментальности) или нейтралитета (они не взаимодействуют). Последний случай крайне редок, но случается и такое.

Если воспользоваться набором циклических (и особенно натуральных циклических) теорий развития общества, то нетрудно обнаружить: инерционность менталитета приобретает фазовые характеристики. В этом случае можно точно сказать, что в моменты перехода от одной ментальной модели к другой чрезвычайно велика роль идеологии. Например, таким историческим зазором прекрасно воспользовались большевики.

Достижения «Новой исторической науки», конечно, важны для осознания **роли индивидуального и общественного менталитета**: авторы этой группы показали, как именно происходит принятие или отторжение новых глобальных исторических сдвигов в общественном целом.

Возвращаясь к вопросу об интуитивной составляющей менталитета, можно отметить, что в исследовании менталитета нужно сочетать рациональную и иррациональную сферы. Строители

готических соборов не читали “Сумму теологии” Фомы Аквинского и, вероятнее всего, не слышали о ее существовании, тем не менее в их постройке ментальность выражена не хуже, чем у автора этого труда .

5. Морфология менталитета и его иерархия

Мы уже не раз говорили, что “предельные” концепции в философии, этике и эстетике, социологии и психологии базируются на едином наборе инвариантов, в данном случае речь идет о четверке типов ценностей (аксиологическая четверка). Проводя содержательное связывание этой четверки со всеми прочими существенными четверками в методологической части работы, мы обнаружили, что те же четыре типа могут рассматриваться и в деятельностном ракурсе, как четверка инвариантных типов деятельности, и во множестве других.

Но что именно мы будем иметь в менталитете? В приводившихся определениях кроме рациональных *идей* (или понятий) важное место в структуре ментальности занимали *аксиологическая* составляющие долговременного действия, а также *образы*, несомненно, имеющие отношение к эстетико-художественному. Например, мы уже обнаружили, что в менталитете фигурируют *долговременные нравственные нормы*, а на более коротких циклах в нем живут *эстетические идеалы и нормы*, сложно соотносящиеся с нравственными. Что касается долговременных “норм пользы”, которые тоже есть в менталитете, мы подойдем к ним постепенно.

В устройстве *глобального менталитета* мы обнаруживаем все ту же инвариантную внутреннюю дифференциацию (четыре типа), которую мы по-разному содержательно наполняем, применяя аппарат разных наук. Но ту же инвариантную матрицу-четверку мы только что применяли и при раскрытии морфологии “общественного сознания”, принадлежащего не глобальному менталитету, а обществу. Что из чего проистекает, здесь гадать не приходится: менталитет по уровню находится выше “общественного сознания”, поэтому матрицирует его на больших циклах. Таким образом, “формы общественного сознания” есть проявление содержания менталитета в основных типах; по крайней мере, они явно “запараллелены”.

Но четверка — это просто наиболее оптимальная развернутая типология. Можно вспомнить и о другом нашем методологическом ходе в числовом модельном поле: можно эту четверку сузить (до трех, двух или одного) или расширить (до пяти и далее, до десяти). Короче говоря, метаменталитет может быть дифференцированно рассмотрен через известный нам числовой ряд моделей-инвариантов — от одного до десяти .

Как пишет Гершунский, “построение междисциплинарной теории менталитета, несомненно, связано со значительными трудностями. Это объясняется не только многоаспектностью самой категории «менталитет» и трудоемкостью содержательных интерпретаций тех многочисленных компонентов, которые образуют «категориальный каркас» создаваемой теории, но и все еще не устоявшейся парадигмой, определяющей роль и значение исследований проблем индивидуальной и общественной ментальностей и, особенно, ментальности социума” . Интересно, что при этом он явно понимает, что имеет дело с иерархией, но на дальнейшее обобщение не идет. Сделаем его сами, ибо срез проблемы достаточно ясен.

Если опираться на **социологическую тройку**, то нужно выделить специфику индивидуального (личность) и коллективного (группа, общество) менталитетов, а также менталитета социума (человечество).

Наша рабочая гипотеза с самого начала состояла в том, что в истории существует определенный **ментальный цикл**, за который всякое общество *проживает фазы*, а специфика этих фаз описывается “*основными категориями*” . Привлекая термин “**ментальный цикл**”, мы оговаривали, что понятие “менталитет” в трактовке М.А. Барга кажется нам недостаточным по объему для описания специфики ментальных циклов.

Предельно большим в такой иерархии будет такое расширение понятия “менталитет”, которое применимо к человечеству в целом и действительно на протяжении всей его истории. Здесь можно попробовать использовать ряд производных, отображающих разные грани вопроса и образующихся за счет “масштабных” приставок: **макроменталитет**, **мегаменталитет**, **мета-**

менталитет или же **над**менталитет и т.п. — вариантов достаточно много. Каждая из приставок выводит нас на свой ряд связанных значений — в культурном контексте нашего времени мета-, мега- и т.д. принадлежат определенным наукам, теориям и даже парадигмам.

Действие, которое мы производим, иногда называют *растягиванием смысла термина*. Мы против этого определения в принципе, ведь здесь на самом деле осуществляется операция перехода от нерасчлененного смыслового ядра к альтитуде смыслов, то есть это — действие по дифференциации и подбору к образовавшимся уровням адекватных их содержанию терминов. Простейшей матрицей для такого хода является системно-уровневая тройка “**над**мир — мир — **под**мир”.

Чтобы говорить о *ментальности человечества всех времен и народов*, ее надо, как минимум, отличить от чего-то качественно иного и вместе с тем рядоположенного, например от *вероятных ментальностей* инопланетных цивилизаций или иных человеческих цивилизаций, может быть, бывших ранее на Земле. Такого рода мысленными экспериментами насыщена вся научная фантастика “золотых -х”, когда активно дебатировались возможности космического Контакта и даже искались языки для этого (наиболее универсальным были признаны языки геометрии и числа).

Надсистемный уровень “менталитета человечества” *задает структуру содержания*, которую мы в значительной степени описали: это — глобальный ментальный хронотоп. Такова развертка уровня “**общего**”.

Перейдем от надсистемы к системе. Собственно “**менталитет**” у нас фигурирует на формационном уровне, потому что в трехуровневой модели (альтитуде) именно **ментальная формация** у нас являются системой. Все то, о чем мы говорили только что по поводу макроменталитета, применимо и здесь, различие состоит в локализации, уменьшении масштаба. Но появляется и нечто специфическое, присущее исключительно данному уровню, который можно назвать уровнем “**особенного**”.

На подсистемном уровне (культурно-цивилизационные группы, фазы ментальной формации) можно говорить о **микроменталитете**. Здесь набор специфических показателей резко увеличивается, ведь мы перешли в определенном смысле к “**единичному**”.

Итак, обозначим **три иерархических уровня**:

мегаменталитет — человечество в целом, история в целом (**макроментальная цикличность**), надсистемный уровень, общее;

менталитет — формации (**ментальный цикл**), системный уровень, особенное;

микроментальность — культурно-цивилизационные группы (**микроментальная цикличность**), подсистемный уровень, единичное.

Все уровни вместе можно объединить таким общим термином, как “ментальность”. Он применяется, когда нет необходимости рассматривать менталитет дифференцированно или в случае выделения общих моментов, присущих любым уровням менталитета.

В психологическом ракурсе, каким бы он ни был, основная проблема сводится к *носителю* и его масштабу: что (а точнее, “кто”, какой субъект) выступает в качестве носителя “ментальной системы”.

Варианты уровней таковы:

- если это — *человечество в целом*, то мы имеем дело с уровнем мегаменталитета — и тогда нужно рассматривать мегаинварианты, присущие всем его проявлениям в прошлом, настоящем и будущем;

- если это — *формационный менталитет*, то круг сужается, но опять-таки под определение *носителя “ментальной формации”* должны попадать не только европейские (и приближенные к ним или исходящие от них), но и все прочие формационные проявления;

- если это — *культуры и цивилизации*, то их “ментальные системы” имеют локальный характер.

Мы захватываем все уровни и специально исследуем различие между мегаментальными инвариантами, специфически формационными составляющими менталитета и микроментальностью культурно-цивилизационных групп и локальных цивилизаций.

Некоторые выводы

От ментальной статики — к ментальной динамике.

Используя наши основные методологические положения, мы уже вплотную приблизились к построению **теории ментальной динамики**. Во-первых, мы провели последовательное содержательное качественное различие специфики менталитета, отличив его от внешне сходного — общественного сознания, идеологии, политики и т.д. Во-вторых, мы вскрыли как морфологию, так и иерархию менталитета, что позволяет нам сразу же ввести в действие альтитудное (уровневое) понимание ментальной циклики, а также, сосредоточившись на ментальном цикле, использовать закон связи морфологии с несущим циклом системы.

Из этого возникает многуровневая ментальная динамика. Но описанием ее мы в данном случае заниматься не будем: это — проблема для отдельного синтетического исследования по истории социума, где менталитету должна быть отведена своя роль. В крайнем случае речь должна идти о **ментальной генетике**, которая вполне способна стать самостоятельной наукой внутри обществоведения — под эгидой социальной философии.

Наше исследование, если брать всю серию книг в целом, в конечном итоге ориентировано более предметно: мы ведем поиск ментальных основ в их динамике, основываясь на специальном “распредмечивании” эстетических произведений. В определенном смысле это позволяет подойти к выявлению и обобщению основных интегративных ядер менталитета “снизу”, но итоговым обобщением этих конкретных обобщений должно стать философское.

Общество и его “психика”.

Что же мы выяснили в итоге? В психике общества есть два начала: общественный разум и общественное сознание. Вместе А.И. Субетто называет их “всеобщим интеллектом”, но этот термин есть лишь общее название для двух разных, рамка для них. Как они вместе работают, он не раскрывает.

Мы же говорим: соединяясь, эти два начала образуют третье, которое мы и называем менталитетом. В нем мысль не отчленена от эмоций.

Менталитет не есть разум (он не опирается на знание, он не озабочен Истиной). Вместе с тем он содержит устойчивые формы метазнания, которые преемственно эволюционируют (по проявлениям). Это не наука и не идеология.

Менталитет не есть сознание, ибо сознание озабочено Пользой. Для сознания он слишком консервативно неизменен. Поэтому о нем часто говорят как об “окрашенности” общественного сознания. На самом деле он удерживает константные рамки общественного сознания на больших исторических циклах.

Менталитет не есть знание и не есть сознание: это — синтез того и другого. Поэтому проявлен он в символах — многозначных и вместе с тем достаточно единообразно интерпретируемых.

Исходя из сказанного, заключаем: ядро менталитета — этико-эстетическое. Это — ценности долговременного действия, которые определяют повседневную деятельность людей. Этическое — это ментальная дуальность (что есть Добро и что есть Зло). Эстетическое — это хронотопическая модель менталитета, с позиций гомеостатики.

Таким образом, в качестве синкретической картины мира менталитет определяет жизнь людей сверху вниз (идеи), вертикально; а в качестве ценностей (через установки) — горизонтально.

*** Примечание**

Ссылки на литературу, приведенные в работе, даны по книге “Формула истории”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гершунский Б.С.* Менталитет и образование. Учебное пособие для студентов. — М.: Институт практической психологии, 1996. — 144 с.
2. *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 56-70.
3. *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии, 1993. № 5. С. 20-29.